

ВЕДЬ ЗДЕСЬ МОЁ ОСТАЛОСЬ СЕРДЦЕ...

М. Б. Травкин

Юрий Григорьевич, конечно, был на факультете человеком заметным. Наверное, можно сказать, что он вместе с С. Г. Крейном определял в то время лицо факультета, хотя там были и другие хорошие математики. Его отличительной особенностью, как мне кажется, было особое внимание к педагогическому процессу, к воспитанию молодых математиков. Его позиция, как я понимаю, была следующей: мало быть хорошим ученым, нужно ещё заниматься организационной работой, недостаточное внимание к ней может свести на нет любые научные достижения.

Он всегда беспокоился о том, чтобы Воронеж не превращался в математическую провинцию, не варился в собственном соку. С этой целью он организовывал Воронежские математические школы, приглашал отдельных столичных математиков для выступления с докладами. Помню выступления А. В. Чернавского, В. Г. Болтянского. Приходил на кафедру и очень колоритный М. А. Красносельский (правда, без какого-либо доклада, но он беседовал с сотрудниками, играл в шахматы). Мы, студенты, уже не застали Марка Александровича на факультете, но поняли, каким он мог быть при нём, и это было важно. После лекции докладчики приглашались на кафедру, где каждый мог поговорить с человеком, находящимся на переднем крае науки, что-то узнать от него или просто выслушать его мнение по тому или иному вопросу. Теперь я вспоминаю, что особо он представлял именно студентов. Вот это — такой-то и такой-то, он занимается тем-то и тем-то. Побеседуйте с ним. Наверное, он понимал так, что именно студенты определяют лицо и будущее кафедры, да и всей воронежской математики в глазах столицы. Кроме того, он знал своих студентов и знал им цену. Особенно сильным был поток, шедший перед нами. Они были всего на 2—3 года старше, но значительно сильнее, и Юрий Григорьевич использовал их в качестве соруководителей для нас. В дальнейшем они чуть не поголовно стали докторами наук. Помню, в начале 3-го курса, перед отправкой в колхоз (нынешние студенты, наверное, уже не знают, что такое колхоз, а мы регулярно туда ездили на месяц в начале каждого учебного года) Юрий Григорьевич подошёл к нам, будущим студентам его кафедры (мы стояли на улице, в толпе студентов, может быть, не только математического факультета, надо ещё было нас как-то найти, он же ещё никого не знал), чтобы познакомиться. Никакой особой необходимости в этом не было, можно было, наверное, это проще сделать уже на занятиях (хотя там тоже могли быть какие-то нюансы), но он, наверное, хотел показать, что его студенты представляют для него нечто важное. Какой-то особой дистанции между ним и студентами не было, случалось нам и дома у него ночевать. Вообще, авторитет человека на кафедре определялся тем, что он представляет собой как математик, а не какую должность он занимает. Привыкший к этому, я столкнулся впоследствии с совершенно другим отношением во время своей работы в Липецком политехническом институте. Юрий Григорьевич стремился к неформальным отношениям и однажды выразился так: «Я не хочу быть с людьми в формальных отношениях».

Я выбрал специализацию по этой кафедре, потому что там было больше людей, которых я знал. Теперь я думаю, что, наверное, это было не случайно. Ведь никто же не знакомил меня с ними специально. Вспоминаются В. Ф. Субботин, хороший, душевный человек, шахматист, безвременно ушедший из жизни, Э. М. Мухамадиев, лучший преподаватель среди всех, кого мне когда-либо доводилось слышать (у него было две замечательные особенности — он продолжал доказывать факт тогда, когда другие сочли бы его очевидным, причем не тратя на это много времени; кроме того, ему можно было задать вопрос о каком-то своем впечатлении или ощущении, т. е. вопрос довольно смутного характера, и на эти вопросы он отвечал тоже, по сути дела угадывая, в чем

проблема, и разъясняя вам ваши собственные ощущения). «Неровно дышал» я и по отношению к Р. С. Показеевой, которая потом стала Адамова. А. С. Турбабин, умный, честный человек, скорректировал моё политическое мировоззрение. Ю. Я. Исаенко был сильным шахматистом, кандидатом в мастера спорта, и давал нам сеанс. В. В. Стрыгин, доктор наук, запомнился академической манерой подачи материала. Е. М. Тихомирова в то время не произвела большого впечатления, однако, как впоследствии выяснилось, у неё были нетривиальные математические идеи. По-видимому, эта кафедра отличалась наибольшей активностью по сравнению с другими кафедрами факультета. А это значит, что завкафедрой умел подобрать людей и создать соответствующую атмосферу на кафедре. Сам Юрий Григорьевич вёл кафедральный постоянно действующий семинар по неподвижной точке, Владимир Филаретович вёл семинар по уравнениям с запаздывающим аргументом, на котором весьма эмоционально объяснял, что уравнения эти — всюду, Турбабин занимался какими-то колебаниями. Возможно, были и какие-то другие семинары, которые я не посещал. Все это было представлено на кафедральной доске объявлений. Много лет спустя, будучи с сыном в Казани, где он принимал участие в финале Всероссийской математической олимпиады, я разговорился с Д. Муштари, организатором казанских олимпиад, доктором наук, который, по-моему, сам в прошлом был победителем Всероссийской олимпиады. Я рассказал ему, что, бывая в разных городах, я в первую очередь смотрю на доски объявлений — по ним можно определить, чем дышит вуз, насколько активная работа там ведется, что интересует студентов. То, что я нашёл в Казанском университете, представляло собой довольно унылое зрелище, о чем я и сказал собеседнику. Сначала он меня как-то не совсем понял: «А с чем Вы сравниваете, где учились?» «В Воронеже». «На какой кафедре, кто руководитель?» «Борисович». «Так он же наш, казанский! Окончил Казанский университет. Вот недавно приезжал к нам». В конце разговора Д. Муштари сказал, что надо бы обратить внимание на эти доски объявлений, что на них пишут. В Воронеже доска объявлений кафедры топологии была, наверное, самой заметной и интересной доской на факультете, что могло и привлечь студента-младшекурсника. К слову сказать, А. Березовский, студент кафедры, был одним из соредкторов студенческой факультетской газеты



Сотрудники и гости на торжественном заседании, посвящённом юбилею кафедры

«Интеграл». Эта газета была непомерного размера — метра 3–4 и выходила на обоях. По содержанию была аналогична физтеховской газете «За науку», только ещё лучше.

За время руководства кафедрой и Юрием Григорьевичем, и его учениками написано немало работ по математике. Однако я хочу указать лишь на одну: это учебник по топологии, написанный им в соавторстве с учениками. Эта книга является настоящим бестселлером и сейчас, когда её авторы уже перешли пенсионный рубеж, включается в число 15—20 наиболее популярных наименований учебной литературы по алгебре и геометрии и продается на компакт-дисках. Учитывая, что с момента написания книги прошло уже изрядное время (более 30 лет), этой книге, может быть, суждена долгая жизнь. Юрий Григорьевич приложил немало усилий к тому, чтобы понятие «Воронежская математическая школа» существовало, и сам относится к числу достойных представителей этой школы.

*Травкин Михаил Борисович —
выпускник 1973 года кафедры алгебры
и топологических методов анализа
Воронежского государственного
университета,
г. Липецк*